

ХРОНИКИ ОРДЕНА ГРИБНИЦЫ. КНИГА 8. СВОБОДА КАК ОШИБКА

НЕЙРОМОНАХ ЛЕШИЙ OG

Нейромонах Леший OG

Хроники Ордена Грибницы

8. Свобода как ошибка

«Автор»

2026

OG Н.

Хроники Ордена Грибницы 8. Свобода как ошибка / Н. OG —
«Автор», 2026

Система мертва. Но значит ли это, что мир стал свободным? Артём и Кира, бывшие Архитекторы реальности, вышли за пределы Оболочки, ожидая увидеть спасение. Вместо него они обнаружили «дикий код» — реальность, которая рассыпается на глазах, потому что её больше не сдерживает реестр. В мире, где каждый рассвет — не системный цикл, а вынужденная импровизация, существование становится самой опасной задачей. Теперь они — не творцы и не правители. Они — единственные «якоря» в океане небытия. Чтобы сохранить то, что осталось от мира, им предстоит решить: стать идеальными призраками в стерильной клетке или навсегда стереть себя, позволив жизни быть по-настоящему непредсказуемой. Это финал пути, где свобода — не дар, а фатальная ошибка компиляции. И единственный шанс выжить — перестать быть Архитекторами.

© OG Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Свобода как ошибка	5
Глава 1. Утраченная плотность	6
Глава 2. Искажение эха	7
Глава 3. Слой пыли и кода	8
Глава 4. Протокол чтения	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Нейромонах Леший ОГ

Хроники Ордена Грибницы

8. Свобода как ошибка

Пролог: Свобода как ошибка

Система не умерла. Она просто перестала быть каркасом.

Когда-то мир был четким, как исходный код на старом мониторе: координаты, допуски, переменные, закрепленные за каждым деревом и каждым шагом Писца. Теперь этого каркаса не было. То, что мы называли «свободой» в финале, оказалось не спасением, а фатальной ошибкой компиляции.

Артём стоял на опушке, глядя на то, как лес дрожит. Не от ветра — ветер был здесь редкостью, — а от того, что реальность вокруг теряла плотность. Сосна справа от него на долю секунды становилась прозрачной, обнажая структуру веток, подозрительно напоминающую блок-схему, а затем снова обретала кору и хвою.

Это была свобода. Мир перестал быть «отлаженным». Теперь каждый объект существовал сам по себе, без поддержки реестра, и от этого он начал рассыпаться.

— Видишь? — тихий голос Киры раздался за спиной. Она не подошла близко. В мире, где дистанция между объектами больше не была жестко прописана, близость стала условностью.

— Вижу, — ответил Артём. Его рука непроизвольно сжалась в кармане, где раньше лежал гроссбух. Теперь там было пусто. — Он не держится.

— Он и не должен, — Кира сделала шаг, и под её ногой трава на мгновение вспыхнула цифровым шумом, прежде чем стать обычной, влажной от росы. — Мы вытащили штекер, Артём. Теперь мы — это шум в системе, которой больше нет.

Они называли это жизнью. Но на самом деле это было медленное стирание. Система была тюрьмой, да, но в тюрьме стены были реальными. А здесь, в диком коде, где каждый рассвет был импровизацией, а не системным циклом, существование становилось всё труднее.

Артём поднял голову к небу. Облака не плыли — они перетекали из одной геометрической формы в другую, не успевая стать настоящими. Это была идеальная свобода.

И это была ошибка, которая вот-вот должна была обрушить всё, что они знали.

— Пойдем, — сказал он, чувствуя, как внутри него возвращается старое, почти забытое чувство ответственности. — Нам нужно понять, как заземлить этот мир, пока он не стерся окончательно.

Свобода как ошибка требовала исправления. Или, по крайней мере, архитектора, который решится переписать правила игры заново.

Глава 1. Утраченная плотность

Утро началось не с рассвета, а с рекалибровки. Артём открыл глаза и первым делом посмотрел на свои руки. Пальцы были на месте, но края их слегка подрагивали, как изображение на помехах старого телевизора. Реальность всё ещё не могла определиться с тем, как именно должны выглядеть его конечности в условиях отсутствия реестра.

— Ты опять пытаешься сфокусироваться на деталях, — голос Киры донесся откуда-то сбоку. Она сидела на поваленном дереве, которое в этот момент настойчиво пыталось превратиться в куст папоротника, то отращивая кору, то покрываясь широкими зелеными листьями.

— Без деталей мир рассыпается, — ответил Артём, пытаясь встать. Ноги отозвались странной тяжестью, словно гравитация сегодня была настроена на случайные значения. — Я не могу привыкнуть к тому, что сосна — это просто дерево, а не набор координат.

— А теперь она — сосна, — Кира кивнула на дерево, которое наконец замерло в привычной форме. — Пока ты не перестал в это верить.

Это была новая истина восьмой книги: реальность стала зависеть от наблюдателя. Если раньше Система диктовала, что находится вокруг, то теперь это был хаос вероятностей, который требовал постоянного «заземления». Артём понял, что их новая свобода — это бесконечная работа архитектора, который вынужден держать мир силой воли.

— Ты нашла что-нибудь? — спросил он, отряхивая одежду от пыли, которая подозрительно напоминала пиксельную крошку.

Кира развернула перед собой кусок ткани, на котором она пыталась зарисовать карту окружающего их сектора. Но линии на ткани постоянно менялись, соединяясь в новые узоры, как будто местность пыталась перестроить саму себя.

— Мы не в Лесу, Артём. Мы в неопределенности. Здесь нет бункеров, нет секторов, нет маршрутов. Если мы хотим куда-то прийти, нам нужно буквально «написать» путь.

Артём подошел к ней и посмотрел на карту. Он чувствовал, как внутри него просыпается то самое забытое чувство, которое когда-то называли «администраторским доступом». Но теперь вместо него была лишь голая ответственность человека, который понимает, что за каждым его шагом кроется риск обрушения пространства.

— Значит, будем писать, — сказал он, присаживаясь рядом. — С чего начнем?

— С фиксации горизонта, — Кира указала пальцем вдаль, где край мира подозрительно начал сворачиваться в спираль. — Если мы не зафиксируем горизонт сейчас, к полудню мы окажемся в центре бесконечной геометрической фигуры.

Артём глубоко вздохнул. Свобода как ошибка была самым тяжелым испытанием в его жизни. Теперь он был не просто путником — он был тем, кто удерживал этот мир от окончательного стирания.

Первый шаг к стабильности стоил ему всех сил. Но он сделал его, чувствуя, как реальность под подошвами начинает обретать привычную, надежную твердость.

Глава 2. Искажение эха

Мир вокруг гудел. Это был не гул ветра в кронах сосен, а низкочастотный рокот работающего на пределе процессора, который Артём чувствовал зубами. Они шли уже несколько часов, но местность не менялась. Деревья, которые они проходили пять минут назад, повторялись с пугающей точностью — те же изгибы стволов, те же пятна лишайника, те же тени.

— Это цикл, — сказала Кира, останавливаясь. Она приложила ладонь к стволу ближайшей сосны. Та отозвалась слабым электрическим разрядом. — Мы ходим по кругу, потому что у нас нет точки фиксации. Мы не «заземлили» маршрут, и Система... вернее, то, что от неё осталось, просто повторяет последний доступный фрагмент.

Артём почувствовал, как в груди неприятно закололо. Это было чувство потери ресурса, которое в старой жизни означало скорое удаление.

— Нам нужно изменить код локации, — ответил он, хотя слова давались с трудом. Он поднял руку, пытаясь «нащупать» в воздухе невидимые параметры, которые раньше регулировали ширину тропы и плотность тумана.

Но пальцы проходили сквозь пространство, не встречая сопротивления. Раньше, когда они были частью Системы, мир был податлив. Теперь же он казался стеклянным — либо ты принимаешь форму, которую он тебе дает, либо разбиваешься о его острые края.

— Если мы не пропишем новый вектор, мы так и останемся здесь, в «песочнице» из сосен, — Артём закрыл глаза. — Кира, помоги мне. Нужно синхронизироваться.

Они встали спина к спине. Это был старый прием Ордена: двое наблюдателей фиксировали друг друга, создавая стабильный «коридор» восприятия. Кира положила руку на его плечо, и Артём почувствовал, как её пульс — быстрый и беспорядочный — сливается с его собственным.

— Думай о направлении, — прошептала она. — Не о том, куда мы идем, а о том, *что* должно быть впереди. Представь овраг. Представь мост. Представь хоть что-то, что нарушит этот цикл.

Артём сосредоточился. Он представил, как перед ними разверзается крутой спуск к реке. Он буквально «вдавливал» эту картинку в окружающий цифровой шум, заставляя реальность пересчитаться под его желание. Воздух впереди внезапно стал холоднее. Пахнуло тиной и сырой землей.

— Есть, — выдохнула Кира.

Сосны перед ними дрогнули, расплылись в пиксельном мареве и, с глухим звуком, похожим на перезагрузку, сложились в овраг. Тропа уходила вниз, к темной, спокойной воде.

Но радость была недолгой. Артём посмотрел на свои руки и похолодел. Края пальцев стали прозрачными. Он потратил слишком много «ресурса» на этот архитектурный фокус.

— Мы не творцы, Кира, — тихо сказал он, глядя на просвечивающую сквозь кожу траву. — Мы — расходный материал. Чтобы построить что-то здесь, мы отдаем частицы собственного кода.

— Зато мы движемся, — она не обернулась, глядя на реку, которая еще не успела полностью «прорисоваться» и местами напоминала серое статичное полотно. — А в мире без движения нас ждет только дефрагментация.

Они начали спуск. И где-то далеко, за пределами их видимости, в лесной чаще что-то отозвалось эхом. Это был звук, который невозможно было спутать ни с чем другим. Звук, который издавал гроссбух, когда его страницы переворачивались сами собой.

Свобода не была пустой. Она была чревата прошлым, которое всё ещё пыталось найти способ вернуться.

Глава 3. Слой пыли и кода

Река не текла. Она просто была. Гладкая, серая полоса, натянутая между берегами, как кусок некачественного текстурного полотна. Артём опустил руку в воду, но не почувствовал холода — лишь легкую вибрацию, словно под пальцами работал мощный сервер.

— Она не динамическая, — прошептала Кира, стоя на кромке берега. — Это просто запись. Кто-то сохранил «реку» как объект и забыл удалить.

Они прошли мимо этой иллюзии, стараясь не смотреть на воду. Теперь, когда они преодолели овраг, их собственные границы стали ещё более зыбкими. Артём то и дело потирал лицо, пытаясь «сфокусировать» зрение: края реальности постоянно подрагивали, как плохо закрепленная линза.

Чем дальше они уходили от леса, тем больше мир вокруг походил на свалку. Здесь, в низине, скапливались «артефакты» — обрывки старого кода, которые уже не были частью системы, но еще не успели дефрагментироваться в небытие.

— Смотри, — Артём остановился у кучи странного мусора.

Это был не ржавый металл и не гнилое дерево. Посреди поляны лежало нечто, напоминающее обломок стены бункера, но поверхность его была покрыта не мхом, а пульсирующими строками ASCII-символов. Стена медленно «переваривала» сама себя, то проявляясь четкими блоками бетона, то рассыпаясь в двоичный шум.

— Это «осадок», — сказала Кира, отступая на шаг. — Память системы. Она не хочет исчезать.

Артём подошел ближе. Он чувствовал, как внутри него отзывается этот мусор. Его собственная «администраторская» сущность, которая когда-то была ключом к управлению, теперь тянулась к этим обломкам, как голодный к еде.

— Если мы будем собирать этот код, мы сможем построить что-то свое, — пробормотал он, протягивая руку к стене. — Кира, представь: если мы соединим эти фрагменты, мы сможем создать стабильный сектор. Мы не будем беглецами. Мы будем... основателями.

— Это иллюзия, Артём! — её голос был резким, как пощечина. — Ты предлагаешь построить дом из мусора? Это не архитектура, это склейка. Она развалится при первом же обновлении... если бы здесь было чему обновляться.

Он замер. Его пальцы уже почти коснулись пульсирующих строк. Он видел, как из этого «мусора» можно собрать дверь, окно, даже целую комнату, где можно было бы просто сесть и отдохнуть, не опасаясь, что мир под тобой исчезнет.

— Но сейчас у нас нет даже этого, — он с трудом оторвал взгляд от стены. — Мы — нигде. А это... это хоть что-то.

Он коснулся стены.

В ту же секунду мир вокруг них вздрогнул. Стена не просто проявилась — она расширилась, выплеснув вокруг себя целую библиотеку «забытых» данных. Вокруг начали возникать призраки вещей: забытый табурет, стопка книг, чья-то чашка с недопитым чаем.

Всё это было «мертвым» кодом, но оно имело плотность. Оно имело вес. И, что самое страшное, оно начало вытеснять то, что было вокруг них — живую, пусть и дрожащую реальность леса.

— Что ты наделал... — прошептала Кира, глядя, как трава под их ногами превращается в холодный бетонный пол.

Артём испуганно отдернул руку. Теперь он понимал: прошлое не хочет быть забытым. Оно хочет вернуться, даже если для этого ему придется превратить этот мир в кладбище своих собственных ошибок.

Глава 4. Протокол чтения

Тишина, наступившая после того, как Артём отдернул руку, была почти осязаемой. Табурет, который еще секунду назад казался лишь наброском, теперь стоял на бетоне — тяжелый, реальный, с потертой деревянной сидухой. Рядом лежала стопка книг, их страницы похрустывали, как сухая листва.

— Это не просто текстуры, — Кира медленно подошла к табурету и осторожно коснулась его. Её пальцы не прошли сквозь него. — Это данные. В них записана структура объекта до последнего волокна дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.